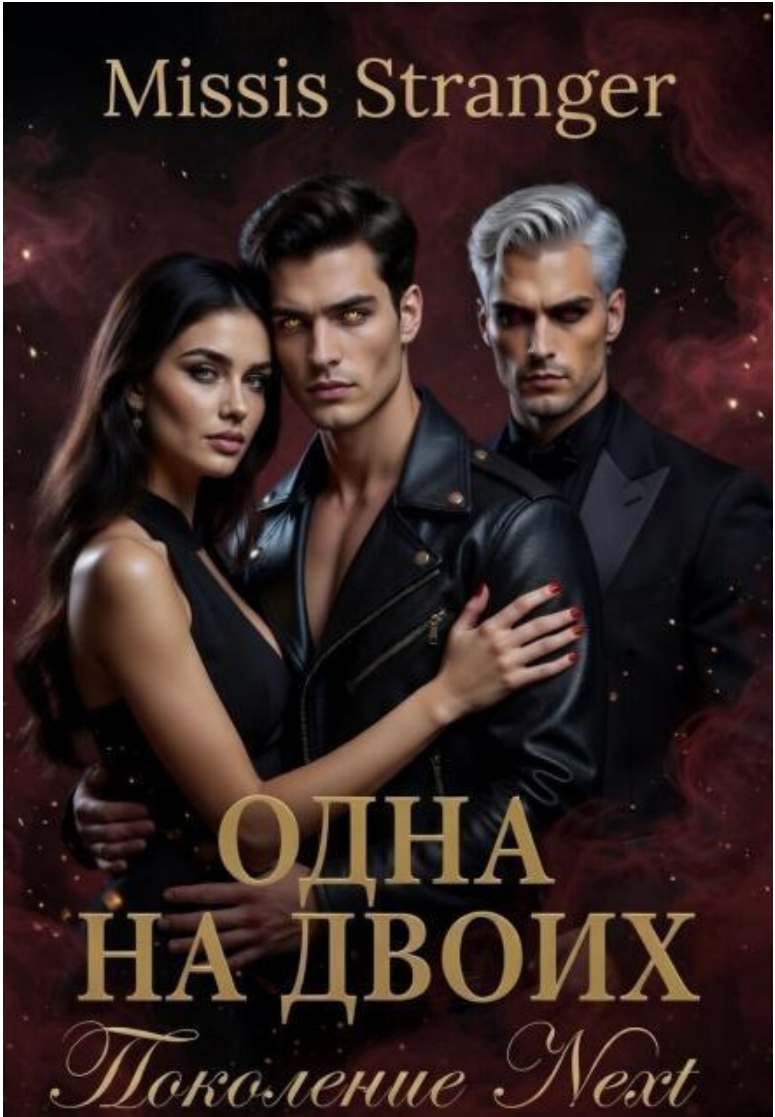

Missis Stranger
ОДНА
НА ДВОИХ
Поколение Next

Missis Stranger
Одна на двоих. Поколение Next

https://litres.ru/74376884

Аннотация

Вторая часть. История Люциаса.

В восемнадцать лет дочь Эллисон и Герольда наследует ген матери, и это становится известно одному из самых опасных вампиров клана. И когда он заявляет свои права на девушку, на её защиту встаёт Люциас.

Тот самый оборотень, которого Эллисон когда-то отвергла и который поклялся больше никогда не вмешиваться в жизнь этой семьи.

Но судьба подкинула ему ещё один сюрприз: девушка, которую он должен защитить, оказывается его истинной парой.

Теперь Люциасу предстоит выбор между долгом перед старым другом и желанием, которое он считал давно похороненным.

И на этот раз он не отступит. Даже если придётся пойти против всего мира.

Содержание

Пролог. 4
1. 13
2. 22
Визуал главного героя 28
3. 31
4. 38
Визуал главной героини 45
5. 49
6. 55
7. 61
8. 69
9. 76
10. 83
11. 89
Визуал Маркус 96
12. 98
Визуал Карл 104
13. 106
14. 112
15. 118
16. 122
17. 127
Конец ознакомительного фрагмента. 128

Пролог.

Оборотень стоял посреди своей гостиной, сжимая телефон так, что пластик жалобно скрипел в кулаке. Голос Герольда в трубке был всё таким же ровным, как всегда. А вот внутри у самого Люциаса уже клокотало.

— Герольд, объясни мне, пожалуйста, доходчиво, почему я должен сидеть с твоими детьми? — раздался разъярённый рык. — Я, между прочим, в няньки не нанимался!

Он сам не заметил, как перешёл на рык. Слова вылетали сами, пропитанные злостью и раздражением, которое всегда вспыхивало, стоило только услышать имя Герольда.

В голове крутилась одна мысль: «Опять. Опять он меня втягивает в своё дерьмо».

— Кому я ещё могу их доверить? — вампир, как всегда, был невозмутим.

«Конечно, кому ещё, — мысленно огрызнулся Люциас. — У него же весь мир вокруг вертится только вокруг его драгоценных кланов и вечных интриг. А я, значит, самый надёжный вариант. Потому что однажды уже доказал, что могу

держать слово, даже когда хочется перегрызть ему глотку».

— Да хоть кому! Выйди на порог и просто ткни пальцем в любого прохожего! У тебя там что, вампиров мало?

Люциас фыркнул, представляя, как Герольд стоит в своём огромном особняке, окружённый своими кровососами, и не может решить кому из них доверить собственных отпрысков. Ирония ситуации едва не заставила его рассмеяться, но смех вышел бы горьким.

— Я не могу доверить их вампирам, ты же знаешь. Любой более сильный вампир может внушить им что угодно.

«Вот оно что. Опять эта вечная паранойя. Боится, что кто-то покопается в головах его людей и сделает из них марионеток. Понятно.

— Так я тут при чём? Охраняй их сам!

Голос Люциаса сорвался. Он прислонился лбом к холодной стене, пытаясь унять поднимающийся внутри жар.

— Ты знаешь, какая сейчас обстановка. Кланы на грани войны, я должен уехать, пока Ганс согласился на переговоры.

«Кланы на грани войны. Сколько раз он уже это говорил

за последние годы? И каждый раз это означало, что Люциас должен бросить всё и прийти на помощь. Потому что когда-то давно они заключили этот чёртов союз.

Потому что когда-то он был достаточно глуп, чтобы влезть в вампирские разборки и вытащить Герольда из одной очень неприятной передряги».

— А Эллисон? — заинтересовался мужчина.

Имя вырвалось почти против воли. Оборотень тут же пожалел, что спросил. В груди что-то неприятно сжалось. Он вспомнил её смех, запах её волос, то, как она когда-то смотрела на него, прежде чем всё пошло к чёртям.

— Моя жена едет со мной, — в голосе вампира послышался металл.

«Жена. Конечно. Как будто это слово могло стереть всё то, что было между ними когда-то».

Люциас стиснул зубы так, что челюсть заныла. Воспоминания нахлынули — их встречи, как она трепала нервы им обоим. Эллисон ему нравилась, действительно нравилась. И дело было не только в аномалии её ДНК. Она была не такой как все.

А потом выбор, который она сделала. Его потенциальная пара выбрала не его.

И он остался с разбитой гордостью и вечным напоминанием о неудаче в лице Герольда.

— Хм… жаль, я её так давно не видел. Встретились бы, поболтали, вспомнили прошлое.

Он произнёс это намеренно медленно, с лёгкой ухмылкой в голосе, хотя внутри всё кипело. Просто чтобы увидеть реакцию. Просто чтобы хоть немного уколоть того, кто когда-то забрал у него всё.

На другом конце провода раздалось разъярённое рычание.

Оборотень ухмыльнулся, чувствуя, как удовлетворение разливается по венам тёплой волной. Наконец-то он пробил эту ледяную броню.

— Что? Ты настолько неуверен в себе, Герольд? Даже спустя столько лет?

Слова вылетели с вызовом. Люциас прошёлся рукой по коротко стриженным волосам, пытаясь унять дрожь в паль-

цах.

— Я звоню тебе не за этим, — отчеканил собеседник. — Её ты в любом случае не получишь.

«Не получишь». Эти слова ударили сильнее, чем он ожидал. Люциас почувствовал, как в груди разгорается старый огонь ревности и обиды.

Он мог бы сейчас наговорить много чего, но вместо этого только закатил глаза и тяжело выдохнул.

— Я умею признавать поражение. И вообще, какого чёрта?

Голос стал тише, почти усталый. Люциас опустился на край дивана, потирая виски. В голове мелькнула мысль: «Зачем я вообще продолжаю этот разговор? Мог бы просто бросить трубку и забыть».

— Мне нужна твоя помощь.

Простые слова. Но от них по спине пробежал холодок. Он знал, что когда Герольд говорит таким тоном, отказываться опасно. Не потому, что вампир угрожает — нет. А потому что это означало, что ситуация критическая.

— Я уже сказал „нет“! Я Альфа, мать твою, а не сторожевой пёс! Найди кого-нибудь другого на эту роль! И вообще, близнецам уже сколько?

Люциас представил себе этих двух полувампирчиков — наверняка таких же надменных и холодных, как их отец. Сидеть с ними несколько дней казалось ему хуже любой пытки.

Оборотень прикинул в уме:

— Лет семнадцать? Уже не маленькие, вполне могут побыть дома одни.

Да и вообще, что мне с ними делать? Смотреть мультики по телеку?

Прежде чем он нажал отбой, донеслось:

— В прошлом месяце исполнилось восемнадцать. Она унаследовала ген Эллисон. И я буду тебе должен.

Эти последние слова повисли в воздухе тяжёлым грузом. «Буду должен». Люциас знал цену таким обещаниям от Герольда. Они никогда не были пустыми. Но цена помощи всегда оказывалась выше, чем хотелось бы.

Мужчина глубоко вздохнул и ударил кулаком в стену.

Кулак врезался в бетон с глухим звуком. Боль вспыхнула

ярко, но быстро ушла — регенерация оборотня уже работала.

Люциас смотрел на треснувшую штукатурку и думал, что вот так всегда: один удар — и приходится разгребать последствия. Как и с этим звонком.

— Твою мать… твою мать…

Он повторял это тихо, почти шёпотом, пытаясь унять бурю внутри. Волк рычал, требуя выпустить злость, но разум уже начал сдаваться. Потому что отказать значило потерять союзника. А в их мире союзники стоили дорого.

— Это значит „да“? — с надеждой спросил вампир.

В голосе Герольда впервые за весь разговор прозвучала настоящая надежда. Люциас почти видел, как тот стоит где-то в своём кабинете, сжимая телефон и ожидая ответа.

— Я тебя ненавижу, Герольд! Всей душой, ты мне всю жизнь испортил!

Слова вырвались искренне. Он действительно ненавидел его — за Эллисон, за те ночи, когда он лежал без сна, представляя, как всё могло быть. За то, что даже сейчас, спустя годы, этот вампир всё ещё мог заставить его делать то, чего

он не хотел.

— Но я ценный союзник, разве не так? — вкрадчиво добавил Герольд.

«Ценный союзник. Как же. Скорее, заноза в заднице, которая иногда спасает жизнь».

— Пошёл ты!

Трубка хмыкнула:
— Будь у нас в семь и не опаздывай. Тебя встретят у западных ворот.

Люциас хотел ещё что-то сказать, но слова застряли. Он уже знал, что проиграл этот раунд. Тело расслабилось против воли, плечи опустились.
— Подожди! На сколько вы уезжаете?

— На пару дней, я думаю, не больше.

«Пару дней. Пару дней с двумя подростками. Замечательно».

— Я тебе это припомню, — проворчал оборотень, сдаваясь. — Нарожаю тоже целую дюжину и заставлю тебя с ними

сидеть.

Он попытался представить себе эту картину — он, окружённый маленькими волчатами, и Герольд, вынужденный играть роль няньки. Мысль была почти забавной.

— Женись для начала...Друг... — рассмеялся вампир и отключился, а Люциас остался стоять, сжимая несчастный телефон в руках.

1.

Люциас прошёлся взглядом по комнате, отмечая, как тени от вечернего света ложатся на старые деревянные балки потолка.

Ехать никуда абсолютно не хотелось, но раз Герольд позвонил, значит, всё действительно серьёзно.

Он знал этого вампира слишком давно, чтобы списать звонок на простую прихоть. Герольд не из тех, кто разбрасывается просьбами. Обычно принц города тщательно оберегал личную жизнь и свою семью.

Эллисон редко выбиралась из замка, сопровождая мужа только в случае крайней необходимости.

Это Люциас знал слишком хорошо, он уже давно её не видел. Он попытался представить её сейчас: те же тёмные волосы, тот же взгляд, который когда-то заставлял его сердце биться чаще.

Но годы прошли, и он уже не был уверен, что узнает в ней ту девушку, за которой когда-то пытался ухаживать.

А близнецов и вовсе никто никогда не видел. Изредка

только в прессе появлялись смазанные фото, и то со спины или издалека.

Люциас фыркнул, вспоминая те редкие снимки, которые иногда мелькали в новостных лентах. Размытые силуэты, тёмные одежды, всегда на расстоянии.

Но Герольда можно было понять. Слишком многие хотели бы надавить на вампира через его семью.

Он прекрасно помнил тот день, когда Эллисон похитили прямо у него из-под носа. День, когда рухнуло всё.

В итоге всё сложилось как можно удачнее для Герольда, ведь Эллисон тогда выбрала его, но, казалось, вампир никак не мог ему простить того, что она тогда чуть не погибла. Хотя в этом и не было особо его вины.

Вампир и раньше был помешан на её безопасности, а теперь и вовсе. Он не отходил от жены ни на шаг, что уж говорить о детях.

Люциас прошёлся к окну, глядя на лес, где уже сгущались сумерки. Деревья стояли неподвижно, будто прислушиваясь к его тяжёлым мыслям.

Что же сейчас настолько насторожило вампира?

Вопрос повис в воздухе.

Оборотень пытался перебрать возможные варианты: новая угроза от восточного клана или просто очередной виток вечной вампирской политики, где каждый шаг — это шахматная партия с живыми фигурами.

Или он просто перестраховывается?

Хорошо бы, если так, потому что только более-менее всё наладилось. Не хочется, чтоб всё полетело к чёрту. Снова.

Он провёл ладонью по лицу, чувствуя под пальцами лёгкую щетину. Последние месяцы действительно выдались относительно спокойными: границы стабильны, молодые волки не лезут в драки, торговые договоры с соседними стаями работают. И вот теперь это.

Люциас глянул на часы, времени было в обрез.

Стрелки показывали, что до семи вечера осталось меньше двух часов. Нужно было собраться, но тело сопротивлялось, будто предчувствуя, что эти «пару дней» могут растянуться или принести с собой больше проблем, чем он готов

был взять на себя.

Решив сначала сходить в душ, он написал сообщение Бете:

«Ты где? Есть разговор».

Ответ не заставил себя ждать:

«Через полчаса буду. Что-то случилось?»

Оборотень скривился: если его заместитель узнает, куда он едет, то будет потешаться до конца его дней. Он бы сам посмеялся с удовольствием, но почему-то было не до смеха.

Представил лицо Беты — тот наверняка сначала вытаращит глаза, а потом начнёт ржать, хлопая себя по коленям: «Альфа в роли няньки у вампирских щенков».

Звучит как анекдот, который будут пересказывать из уст в уста.

«Объясню при встрече. Зайди сразу ко мне».

Телефон пиликнул снова:

«Слушаюсь, сэр» — и смайлик.

— Детский сад, — проворчал мужчина, откинув телефон в сторону.

Он никогда не понимал любви Беты к этим картинкам.

Да и вообще все эти гаджеты его раздражали. Иногда хотелось просто покоя, а телефон вечно разрывался.

Обычно звонки не сулили ничего хорошего. Все от него чего-то хотели. Поэтому Альфа использовал его только по делу и в случае крайней необходимости.

Люциас бросил взгляд на экран, где всё ещё светилось последнее сообщение, и покачал головой. Вся эта современная суета — уведомления, эмодзи, бесконечные чаты — казалась ему лишней шумовой завесой.

Он предпочитал живой разговор, запах леса и тишину, когда можно просто слышать собственное дыхание и сердцебиение стаи.

Мужчина разделся и стал под душ, глядя на себя в зеркало.

Горячая вода ударила по плечам, смывая дневную усталость, но не мысли.

В отражении он видел крепкого мужчину с широкими плечами, покрытыми старыми шрамами — следами драк, которые уже почти стёрлись временем.

Интересно, Эллисон его узнает? Они так давно не виделись.

В то время, когда он пытался за ней ухаживать, он был ещё молод.

Более резкий, более самоуверенный, с той юношеской наглостью, которая часто заменяет опыт.

Хотя и сейчас ему никто не давал больше двадцати пяти, но он изменился.

Внешне, конечно, тоже, но больше эти изменения коснулись его самого.

Глаза стали чуть жёстче, в них появилась та глубина, которая приходит только после потерь и тяжёлых решений. Линия челюсти осталась такой же чёткой, но теперь он реже улыбался просто так.

Он понимал Герольда, да и его паранойю, если честно. С возрастом начинаешь ценить такие вещи, как дом, семья, дети.

Тогда, когда он встретил Эллисон, это было больше как соревнование. Ему просто, как и любому нормальному мужчине, хотелось победить. Чтоб выбрали его.

Вода стекала по груди, а Люциас вспоминал те вечера: запах её духов, лёгкий смех, прикосновения рук, которые казались такими многообещающими. Он тогда думал, что достаточно быть сильным, чтобы получить то, что хочешь. Но жизнь показала обратное.

И когда девушка предпочла ему другого, он не сильно расстроился, воспринимая поражение философски: «Не повезло в любви, значит, повезёт в чём-то другом».

Он говорил себе это много раз, сидя по ночам на крыльце своего дома и глядя на луну.

И он добился определённых успехов, но чего-то не хватало.

Стая росла, территория расширялась, уважение соседей

крепло. Но по вечерам, когда всё затихало, оставалась пустота, которую не заполняли ни власть, ни победы.

У Герольда было то, чего не было у него.

Хотя, наверно, ему грех жаловаться — вампир ждал этого гораздо больше.

Но легче от этой мысли не стало.

Люциас закрыл глаза, подставляя лицо под струи воды. В груди всё ещё ворочалось что-то тяжёлое — смесь старой обиды, усталости и непонятного предчувствия.

Он не знал, что ждёт его в вампирском замке за западными воротами: два молодых полувампира, которых он никогда не видел; Эллисон, которая наверняка будет смотреть на него с вежливой отстранённостью; и Герольд, который снова поставил его в положение, где отказаться невозможно.

Он выключил воду и быстро вытерся грубым полотенцем, чувствуя, как кожа покалывает от холода воздуха. Время поджимало. Нужно было одеться, дождаться Бету и объяснить тому, почему Альфа стаи на пару дней превращается в сторожа для чужих детей.

Люциас посмотрел на своё отражение в запотевшем зеркале и тихо выругался:

— Твою мать, Герольд… Ты всегда умел испортить мне жизнь.

2.

Мужчина натянул джинсы прямо ещё на влажное тело, от чего они неприятно липли к загорелой коже.

Ткань противно прилипала к бёдрам и икрам, каждый шаг вызывал лёгкое раздражение, будто напоминая, что он и так уже на взводе. Люциас быстро застегнул пуговицу и потянулся за рубашкой, чувствуя, как редкие капли воды всё ещё скатываются по позвоночнику.

Люк вошёл бесшумно, как всегда:

— Хоть бы вытерся нормально, — хмыкнул Бета, закрывая за собой дверь.

Люциас знал этот голос с детства: слегка насмешливый, но без злобы. Сейчас, однако, даже привычные шутки друга действовал на нервы.

— Я спешу.

Он не повернулся, продолжая заправлять рубашку в джинсы. В голове крутилось одно: «Только не начинай выпытывать».

Бета прислонился плечом к косяку, скрестив руки на груди. В его глазах мелькнуло привычное любопытство, смешанное с лёгкой тревогой, которую он никогда не умел полностью скрыть.

— Настолько, что не можешь воспользоваться полотенцем?

— Люк, я не в настроении, — предупредил оборотень, — а если точнее, то чертовски зол.

Голос стал ниже обычного, с той хрипотцой, которая появлялась, когда волк внутри начинал теснить человека. Мужчина чувствовал, как внутри всё сжимается в тугой комок. Злость была не на Люка — на себя, на Герольда, на то, что снова приходится бросать стаю и ехать чёрт-куда.

Люк выпрямился, насмешка исчезла.

— Что-то стряслось? — осторожно уточнил он, сразу меняя тон.

— Угу, меня не будет пару дней.

Люциас наконец повернулся. Он видел, как Бета слегка прищурился, пытаясь понять, что происходит. Обычно такие вещи обсуждались заранее.

— Могу я узнать причину?

— Не можешь.

Ответ вышел грубее, чем хотелось. Люциас тут же пожалел о своём тоне, но отступать было поздно. Он не хотел втягивать Люка в вампирские дела глубже, чем нужно. Чем меньше знает — тем спокойнее будет стая.

Парень хмыкнул:

— Сказал, как отрезал. У тебя проблемы?

Вожак закрыл глаза и сделал глубокий вздох, пытаясь успокоиться. Он ненавидел это состояние — когда контроль ускользает, а зверь внутри ищет, на ком сорваться.

Люк считывал его нервозность на уровне инстинктов. Когда Альфа был не в духе, это чувствовала вся стая, стараясь не попадаться Люциасу на глаза.

Только не он. Они с Люциасом дружили с детства и всегда были не разлей вода. В скольких передрягах они вместе побывали? Бета уже давно сбился со счёта.

Так что гнев вожака его не пугал. Он стоял неподвижно, не давя, просто ждал. Это было одним из тех качеств, за которые Люциас ценил его больше всего.

— Не задавай мне глупых вопросов, меня и так эта ситуация вымораживает, — рыкнул мужчина и провёл рукой по ещё влажным волосам, понимая, что перегибает палку. Люк ни в чём не виноват, но остановиться не мог.

— Может, я просто хочу помочь, — фыркнул его друг.

— Просто присмотри тут за всем, пока меня не будет, хорошо? — устало вздохнул оборотень.

Он постарался смягчить голос, но получилось не очень. В груди разрасталась неясная тревога. Он знал, что Люк справится, всегда справлялся, но что-то внутри не давало покоя. Да и оставлять друга без объяснений было тяжело.

— О'кей, — протянул Люк, гадая, какая вожжа на этот раз попала Альфе под хвост.

— Тебе бы остепениться, глядишь, перестал бы на людей бросаться, — улыбнулся он.

Улыбка была лёгкой, почти примирительной, но Люци-

ас услышал в ней привычную заботу, замаскированную под шутку.

— И ты туда же? Мне и одному неплохо.

— Ага, тебе, может, и не плохо. Плохо всем остальным вокруг.

— Если кого-то что-то не устраивает, могут катиться на все четыре стороны. Я никого не держу, — рявкнул Альфа.

— Ага, и останешься один, — хмыкнул его помощник.

— Люк, что тебе от меня надо? — взорвался мужчина и сделал шаг вперёд, сжимая кулаки.

Люк слегка поднял брови, но не отступил — как всегда.

— Пытаюсь понять, что с тобой. Ты что, с Селеной поругался?

— Да ни с кем я не ругался. Всё, мне пора, — схватив ключи от машины, Люциас пулей вылетел из дома.

— Так сходи к ней, похоже, давно не был, — крикнул со смешком ему вслед Бета.

В ответ по округе раздался взбешённый рык. Альфа, похоже, действительно был на грани.

Дверь хлопнула за спиной. Ноги сами понесли к машине. Люциас сел за руль, резко завёл двигатель и выжал газ. Машина с визгом сорвалась с места.

— Ну а что? Я тебе дело советую, — пробормотал Бета себе под нос и пошёл в очередной раз разгребать хаос, который оставил после себя Альфа.

— Чтоб он без меня делал? — вздохнул мужчина, гадая, что могло произойти на этот раз и куда так резко сорвался его друг. Но он знал, что если бы Люциас хотел, то сам бы ему рассказал. Между ними уже давно не было секретов. А раз он промолчал, значит, так нужно.

Визуал главного героя

Люциас.

Как вам девочки Люциас через 18 лет? ##

3.

Автомобиль нёсся по пустынному шоссе на бешеной скорости. Дорога летела под колёсами размытой серой лентой, фонари мелькали один за другим, сливаясь в сплошную полосу.

Люциас сжимал руль так, что костяшки побелели, и придумывал в голове, что он скажет Герольду, когда они увидятся. Правда, пока в голове, кроме отборных матов, не было ничего.

Он вжимал педаль газа до упора, чувствуя, как двигатель ревёт под капотом, будто разделяя его злость. Мысли жалили остро и беспощадно.

«Какого чёрта я вообще согласился? — крутилось в голове. — Сидел бы сейчас дома, пил холодное пиво и смотрел телик. А вместо этого мчусь к этому кровопийце, чтобы играть в няньку».

Как он позволил вампиру втянуть себя в это? Он ему не мальчик на побегушках.

Люциас вспоминал спокойный голос Герольда в трубке,

его уверенность, что он обязательно приедет. И ведь ехал. Потому что знал: отказать — значит потерять того, кто не раз прикрывал спину стае в трудные времена. Но легче от этого понимания не становилось. Обида смешивалась с усталостью, и от этого ярость только росла.

Добираться до места ему было от силы полчаса. Но благодаря тому, что он с такой силой нажимал на педаль газа, что грозил проломить днище, у особняка он был через двадцать минут.

Машина вылетела на последнем повороте, шины взвизгнули по асфальту. Впереди уже показались высокие стены и тёмные силуэты башен старого поместья. Люциас сбросил скорость лишь в самый последний момент, чувствуя, как адреналин всё ещё бурлит в крови.

Резко затормозив у кованых ворот, он со всей силы нажал на клаксон, который завизжал на всю округу. Оглушительный, наглый гудок разнёсся по тихому лесу, эхом отразившись от каменных стен. Стая птиц, которую спугнул громкий звук, вспорхнула с ближайших деревьев и взмыла ввысь чёрным облаком. Альфа почувствовал удовлетворение от своей глупой выходки.

Люциас усмехнулся уголком рта — мелкая, детская месть,

но хотя бы немного отпустило. «Пусть хоть кто-то здесь тоже понервничает».

Из ворот выскочил перепуганный охранник, сжимая в руках оружие. Люциас нажал на кнопку, опуская стекло:

— Твой грёбаный хозяин сказал приехать мне и посидеть с детишками, поэтому убери эту дурацкую пукалку и открой эти чёртовы ворота! Я теряю терпение!

Голос сорвался на рык. Люциас смотрел прямо в глаза вампиру, не отводя взгляда. Внутри всё требовало действия — выйти, схватить за грудки, встряхнуть как следует. Но он сдерживался, только пальцы сильнее сжимали руль.

Надо отдать должное вампиру — он не дрогнул от этой вспышки гнева. Взяв себя в руки, он ответил:

— В этой пукалке серебряные пули. И если вы не Люциас, то у меня приказ стрелять на поражение.

— Очень смешно, — фыркнул мужчина. — А теперь открой ворота, пока я их не снёс!

Охранник усмехнулся, убирая пистолет:

— Да он предупредил, что вы так скажете, — и нажал кнопку на пульте.

Железное полотно поползло вверх. Машина медленно въехала на территорию, оборотень оглянулся. Хорошо, что он не решился на таран. Его внедорожник превратился бы в груду металла.

Он бросил взгляд на толстые металлические створки, на датчики, на камеры, которые поворачивались вслед за ним.

«Серьёзно подготовились. Словно ждут осады», — мысль была невесёлой. Он начал понимать, почему Герольд так настаивал именно на нём: внутри этих стен даже свои могли оказаться опаснее чужих.

— У Герольда что, паранойя? Нехило он тут окопался, бронированная сталь, — присвистнул оборотень.

— У хозяина много врагов, а к безопасности своих близких он относится очень серьёзно.

— Это я уже заметил. Он не говорил, когда вернётся?

— Нет, он перед нами не отчитывается, — буркнул вампир.

И, связавшись по рации с кем-то, проговорил:

— Прибыл господин Люциас, встреть его.

— Я и сам прекрасно найду дорогу, — пробормотал Альфа, выходя из машины.

— Ему нужно обезвредить ловушки, чтоб вас не поджарило на пороге.

Люциас обернулся:

— Ты шутишь?

Охранник отрицательно покачал головой.

— Даже так? — задумчиво протянул мужчина. — Зачем тогда ему понадобился я? Если у него тут квест для непрошенных гостей?

Люциас стоял возле машины, глядя на тёмный фасад особняка. В воздухе пахло сырой землёй, старым камнем и чем-то металлическим — наверное, сталью ловушек. Мысль о том, что даже здесь, внутри, ему могут устроить «тест на прочность», вызывала глухое раздражение.

«Если он так боится за своих детей, почему тогда просто не запер их в бункере и не уехал спокойно? Зачем было дёргать меня?»

— Древнего вампира это всё не остановит, в лучшем случае задержит. К тому же они тщательно скрывают от сородичей свои способности. Никогда не знаешь, кто заявится к тебе в гости. Видимо, хозяин решил, что в его отсутствие этого всего недостаточно.

— Твою ж за ногу… — пробормотал Альфа. — Во что он на этот раз меня втянул? Ладно, показывай, куда мне идти, кровососина.

Последние слова он произнёс уже тише, почти себе под нос. Он захлопнул дверцу машины и огляделся по сторонам. Высокие стены, тёмные окна, тишина, которая казалась слишком густой.

В груди снова шевельнулось нехорошее предчувствие. Он ехал сюда злым и раздражённым, но теперь, стоя на территории, начал понимать масштаб. Герольд действительно не перестраховывался по мелочам. А значит, опасность, из-за которой он уехал, могла оказаться серьёзнее, чем Люциас сначала подумал.

Охранник молча кивнул и пошёл вперёд, указывая путь по широкой гравийной дорожке. Оборотень двинулся следом, чувствуя, как напряжение в плечах только нарастает.

До встречи с близнецами оставались считанные минуты, и он понятия не имел, что скажет двум восемнадцатилетним полувампирам, которых никогда раньше не видел.

4.

Зайдя в просторный холл, Люциас осмотрелся. Убранством дома явно занималась Эллисон. Во всём, даже в мелочах, чувствовалась женская рука. В доме вампира было очень уютно, не то что в его холостяцкой берлоге.

Оборотень медленно поворачивался на месте, впитывая детали. Тёплый свет от настенных бра падал на тяжёлые деревянные панели, покрытые тонкой резьбой. На низком столике стояли живые цветы — белые лилии в простой стеклянной вазе, их запах мягко разливался по воздуху.

Кресла были обтянуты тканью приглушённого серо-зелёного оттенка, на них лежали пледы, будто кто-то только что встал и оставил их небрежно брошенными.

На стенах — несколько картин в простых рамах, без помпезности. Всё выглядело так, словно здесь действительно живут, а не просто обитают.

В его же собственном доме царил спартанский порядок: голые стены, минимум мебели, запах дерева и металла. Здесь же было тепло, почти по-домашнему. Это задело неожиданно сильно.

Может, правда жениться?

Мысль пришла и тут же осела тяжестью в груди. Он сам не понимал, почему так долго тянет с этим. Ведь истинную ему явно не встретить, его пара досталась другому. Поэтому по идее подойдёт любая.

Но Люциасу сложно было представить кого-то рядом с собой до конца его дней. Он не встретил ещё ту, с кем хотелось бы просыпаться и в чьих объятиях он желал бы засыпать. С кем захотел бы создать семью и родить детей. Но годы идут, и вечно бегать от этой проблемы он не мог.

Люциас провёл ладонью по коротко стриженным волосам, пытаясь отогнать эту мысль. Он представлял, как кто-то чужой ходит по его дому, переставляет вещи, наполняет пространство своим запахом.

И не мог. Не мог увидеть лицо этой гипотетической женщины, не мог представить её смех по утрам или тихое дыхание рядом ночью.

Всё казалось неправильным, искусственным. А время действительно шло. Стая росла, молодые волки уже заводили свои семьи, а он всё ещё возвращался в пустой дом. Это раздражало и одновременно пугало своей неизбежностью.

Ладно, сейчас не время и не место, оборвал свои мысли мужчина, но всё же в доме Принца города он чувствовал щемящую тоску.

Ему казалось, что он уже давно смирился с тем, что Эллисон принадлежит другому. Он был изначально готов к такому исходу событий.

Почему же именно сейчас его это так беспокоит?

Тоска была тихой, но въедливой, как старая заноза. Люциас стоял посреди холла и ощущал, как чужой уют давит на грудь. Он думал, что похоронил те чувства много лет назад — принял поражение, сосредоточился на стае, на обязанностях Альфы.

Но здесь, в доме, где Эллисон оставила свой след в каждой мелочи, старое снова поднялось на поверхность.

Не яркая боль, а глухая, ноющая пустота. Почему именно сегодня?

Может, потому что он снова оказался в её мире, пусть и косвенно. Или потому, что возраст уже не позволял отмахиваться от мыслей о том, что будет дальше.

— Ну и где малышня? — произнёс оборотень, оборачиваясь к дворецкому.

Откуда-то из-за спины раздался смешок:
— Малышня — это, видимо, мы с братом?

Люциас обернулся и посмотрел на девушку, которая стояла на лестнице, держась за перила.

Короткие светлые шорты оттеняли загорелые стройные ноги, которым, казалось, нет конца. Короткий топ выгодно подчёркивал упругую грудь и приоткрывал полоску плоского живота с пирсингом в пупке.
А дочурка Герольда то выросла...

Сердце оборотня пропустило удар. Она так была похожа на Эллисон. Ту, которую он тогда увидел в больнице впервые и которую знал и любил. У него возникло ощущение дежавю.

Это потом она превратилась в статусную даму, жену древнего вампира. А в их первую встречу она была перепуганной девушкой, которая изо всех сил пыталась показать, что ей не страшно.

А сейчас её дочь стояла на верхних ступенях, слегка наклонив голову, и смотрела вниз с лёгким любопытством.

Тёмные волосы, собранные в косы, мягко падали на плечи, в них играли блики от люстры.

Лицо — почти точная копия матери в молодости: те же высокие скулы, тот же разрез глаз, та же лёгкая дерзость в изгибе губ.

Только в ней не было той пугливой настороженности, которая когда-то была у Эллисон.

Молодая особа на лестнице испуганной не выглядела, скорее заинтересованной.

Перед ним стояла девушка, которая явно знала себе цену.

Она смотрела прямо, без страха, с интересом, который граничил с вызовом.

Её взгляд смело скользил по его телу, вызывая у волка давно забытые ощущения.

Люциас почувствовал, как в груди что-то сжалось и тут же отпустило.

— Вас не учили, что разглядывать так незнакомых людей невежливо? — хмыкнул Альфа.

— Кажется, что-то такое отец говорил, припоминаю, — хмыкнула она, ни капли не смутившись.

— Меня зовут Люциас. Герольд попросил присмотреть за вами, пока он в отъезде, — произнёс мужчина.

— Я знаю, кто вы. Но я говорила отцу, что нам с братом нянька не нужна, — надменно проговорила девушка.

— Я такого же мнения, но у него на этот счёт другое. А Герольд не из тех людей, которым отказывают.

— Значит, вы его очередная пешка? — она изогнула красивую бровь.

— Я бы так не сказал. А характер у вас, видимо, от матери? — хмыкнул Альфа.

— Мне говорили и это, — фыркнуло юное создание.

— В любом случае до возвращения вашего отца я буду находиться тут.

— Как пожелаете, — пожала плечами девушка, собираясь уходить.

Люциас смотрел, как она разворачивается, как легко и грациозно движется по лестнице. В голове всё ещё крутилось её лицо — слишком знакомое, слишком похожее. Он почувствовал лёгкое головокружение, будто время на секунду повернулось вспять.

Часть него хотела окликнуть её, спросить что-то, просто чтобы услышать голос ещё раз. Другая часть — резко отвернуться и уйти, пока воспоминания не захлестнули окончательно.

Он стоял в этом уютном холле, ощущая, как старые раны, которые он считал давно зажившими, снова дают о себе знать. И понимал, что эти несколько дней могут оказаться гораздо сложнее, чем он предполагал.

Визуал главной героини

Как вам дочь Эллисон и Герольда?

5.

— Где ваши манеры? Вы не собираетесь представиться и показать мне мою спальню? — окликнул Люциас девушку, поднимаясь следом по лестнице.

Ступени были широкими, покрытыми мягким ковром, который полностью глушил шаги. Оборотень шёл медленно, чувствуя, как напряжение в плечах нарастает с каждым шагом. Он уже жалел, что вообще пошёл за ней следом.

— Я вас сюда не приглашала, — парировала девушка. — И в служанки к вам не нанималась.

— Будь вы моей дочерью, я бы вам
уже всыпал, — процедил Люциас, задетый её тоном.

Слова вырвались сами. Внутри поднималась волна раздражения, не столько на неё, сколько на всю эту абсурдную ситуацию. Он не привык, чтобы с ним говорили свысока, особенно в чужом доме.

— Но я не ваша дочь. А если она у вас есть, то я ей искренне сочувствую. С таким отцом ей, бедняжке, наверное,

приходится несладко.

Люциас стиснул зубы. Мысль о гипотетической дочери неожиданно отдалась болью внутри. Он вдруг представил маленькую девчонку с его глазами — и с удивлением понял, насколько пустым кажется его будущее без кого-то рядом.

— У меня нет дочери, — прорычал Альфа.

— И не заводите, мой вам совет, — фыркнула дочь Герольда.

— Вы всегда такая заносчивая? — приподнял бровь Люциас.

В голове мелькнула неприятная мысль: «Она явно получает кайф, выводя меня из себя».

— Только с теми, кто мне не нравится.

— Я от вас тоже не в восторге. Вы надменная, вздорная, высокомерная... — прорычал он, шагнув к ней вплотную.

И в этот миг его ударил запах.

Сладкий, тёплый, с ванилью и нежными цветочными нотами. Люциас резко вцепился в перила, дерево жалобно

скрипнуло. Сердце заколотилось тяжело, в ушах загудело.

«Нет. Только не это. Пожалуйста, только не это».

— Твою мать… Этого не может быть,— хрипло выдохнул он, хватаясь за грудь и глядя на девушку широко раскрытыми глазами.

— Что, сердечко прихватило? — насмешливо протянула она. — В вашем возрасте такое бывает. Попросите Глорию, она вам накапает валерьянки. Думаю, в ближайшее время вам это очень пригодится.

Девушка стояла совсем близко. В её глазах плясали дерзкие искры. Люциас отступил на шаг, но запах продолжал преследовать, обволакивать, сводить с ума. Волк внутри него взвыл, требуя признать то, что он только что учуял.

Это было невозможно.

Опасно.

И совершенно, категорически неправильно.

— Твой отец меня убьёт, — глухо произнёс Люциас, пятясь. — Хотя… какой к чёрту отец. Я даже боюсь предста-

вить, что со мной сделает твоя мать. Тебе хотя бы восемнадцать есть?

— Не понимаю, к чему этот вопрос, но да. Исполнилось в прошлом месяце, — ответила она, впервые слегка растерявшись. — Но если отец решит вас убить, я ему с удовольствием помогу. Можете не сомневаться.

— Я должен сказать ему, что не могу вас защищать, — Люциас достал телефон и быстро набрал номер Герольда.

«Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети», — ответил механический голос.

— Чёрт, недоступен, — пробормотал он. — Ты можешь набрать матери? Она же должна быть рядом с ним.

Девушка, как ни странно, не стала спорить. Достала телефон и нажала вызов.

— Тоже вне зоны, — сказала она через пару секунд. — И что это значит?

Люциас тяжело вздохнул:

— Мне придётся задержаться здесь, пока они не выйдут на связь. Я не могу просто так уехать.

— Почему это? — с вызовом спросила она.

— Потому что я обещал твоему отцу. А теперь иди в свою комнату и постарайся мне на глаза не попадаться.

— Ещё чего, — фыркнула девушка. — Я у себя дома и буду делать то, что захочу и когда захочу.

— Да уж… будет весело, — устало бросил Люциас и направился искать Глорию.

Он чувствовал себя выжатым. Дико хотелось курить, а лучше — выпить. Где там Герольд прячет свой алкоголь?

Люциас шёл по длинному коридору второго этажа, стараясь дышать поверхностно. Запах девушки всё ещё держался на коже и одежде, сводя его с ума.

Он пытался сосредоточиться на простых вещах: найти Глорию, отправиться в свою комнату, запереться внутри и просто посидеть в тишине.

Но мысли не унимались.

«Это не может быть правдой. Ей всего восемнадцать. Она дочь Герольда и Эллисон. А я… я только что почувствовал то, чего не должен был чувствовать никогда в жизни».

В груди смешалось всё: шок, вина, болезненное притяжение и холодная паника. Он представил лицо Герольда, если тот узнает, и по спине пробежал озноб. Эллисон… даже думать о её реакции было страшно.

Люциас остановился у одной из дверей, привалился плечом к стене и закрыл глаза. Руки предательски дрожали.

«Я не могу здесь остаться. Но и уехать не могу. Что мне теперь делать?»

Он глубоко вдохнул, пытаясь успокоиться, и продолжил путь. Где-то в глубине дома тихо играла музыка. Люциас не знал, кто её включил. Он знал только одно: эти несколько дней только что превратились из раздражающей обязанности в нечто гораздо более опасное и запутанное.

А запах девушки всё ещё стоял в носу, напоминая, что его мир только что раскололся пополам, разделив его жизнь на «до» и «после».

6.

Миранда захлопнула дверь чуть сильнее, чем следовало, и прислонилась к ней спиной. Комната встретила её привычным полумраком — только ночник у кровати горел мягким тёплым светом. Она провела ладонями по лицу, пытаясь унять странное волнение внутри.

Ведь обычно она не вела себя так со знакомыми отца. Но этот оборотень выводил её из себя. А ещё её задевало, что он назвал её малышней. Хотя, наверно, для него так и было. Он уже взрослый, а она для него ребёнок.

Сердце всё ещё колотилось быстрее обычного.

«Что со мной такое? — думала она, хмурясь. — Обычно я спокойно держу дистанцию со всеми. А этот… этот оборотень с жёстким взглядом и низким голосом заставил меня огрызаться, как девчонку».

Она сама не понимала, почему она грубила этому мужчине, который пробуждал внутри неё какой-то непонятный трепет. Это заставляло её злиться на саму себя и на него.

Миранда раздражённо тряхнула головой. «Глупости. Это просто старый друг отца. Через пару дней он уедет, и всё

вернётся на свои места».

Ей хотелось поговорить с мамой, убедиться, что с ней и с отцом всё в порядке, но их телефоны всё так же были недоступны.

Девушка подошла к окну и уставилась в темноту сада. За стеклом тихо шелестели листья, где-то вдалеке ухала сова. Родители никогда не исчезали вот так — без предупреждения, без связи.

Отец всегда был предельно осторожен и никогда так не срывался из дома, не оставлял их одних. Миранда чувствовала, что за этим внезапным отъездом скрывается что-то серьёзное, и эта мысль не давала покоя.

Девушка переживала за родителей, хоть отец и старался это скрыть, но она чувствовала, что у него неприятности.

Она вспомнила разговор, который невольно подслушала у дверей отцовского кабинета.

Миранда закрыла глаза, пытаясь восстановить обрывки фраз, которые долетели до неё тогда.

Голос отца звучал напряжённо, почти резко. Он редко позволял себе такой тон. Это только усилило её беспокой-

ство.

Потом он звонил Люциасу. Видимо, отец ему доверял настолько, что поручил ему защищать их с братом.

«Если он позвал именно этого мужчину, а не привычную охрану, значит, дело действительно плохо», — подумала она и почувствовала, как по спине пробежал холодок.

Миранда ещё долго стояла у окна, вглядываясь в темноту. Шелест листьев и уханье совы больше не успокаивали, а лишь усиливали тревогу.

Она вздохнула, обхватила себя руками за плечи и решительно развернулась: «Хватит стоять тут как статуя. Пойду лучше проверю, как там Маркус».

Комната брата была ярче освещена — монитор бросал голубоватый свет на стены, усыпанные постерами с играми и музыкальными группами.

Маркус сидел, слегка сгорбившись, пальцы быстро бегали по клавиатуре. Когда он играл, то полностью выпадал из реальности.

Миранда на секунду улыбнулась — в такие моменты он был похож на большого ребёнка, полностью погружённого в свой мир.

И в его мире не было тревожных звонков, загадочных оборотней и пропавших родителей. Только игра, цель и победа.

Девушка подошла и положила руку ему на плечо.
Её брат вздрогнул от неожиданности и выругался:

— Чёрт, Мир, ты меня напугала до смерти.

— Я виновата, что ты ничего не слышишь? Звала тебя несколько раз, ты не отзывался.

Парень раздражённо провёл рукой по волосам.

— У меня просто ответственный момент в игре, а из-за тебя я проиграл.

Миранда нахмурилась.

— Уже поздно, а нам завтра рано вставать в колледж, ты помнишь?

— Не будь занудой, ещё полчаса, — её брат закатил глаза.

— Нет, ты и так весь день от монитора не отлипаешь, там, между прочим, надзиратель пожаловал.

— Какой ещё надзиратель?

— Которого отец прислал, — фыркнула девушка, — крайне неприятный тип.

— Ты со всеми в контрах, поэтому я не удивлён, — ухмыльнулся парень.

Миранда помрачнела.

— Посмотрим, как ты запоёшь, когда с ним познакомишься. Он какой-то нервный и неуравновешенный.

— Мир, ну давай посмотрим правде в глаза, ты и святого выведешь из себя. С тобой только отец справиться может.

Она подняла глаза на брата, и вся её бравада вдруг растаяла:

— Как думаешь, с ними всё в порядке? Я волнуюсь.

— Уверен в этом, не парься. Отец знает, что делает.

Маркус обернулся к ней, и улыбка застыла на его губах, когда он увидел её лицо. Миранда смотрела на него, и в гла-

зах её читалась такая неподдельная тревога, что он отложил джойстик.

— Да ладно, Мир, не переживай так. Всё будет нормально, вот увидишь.

Она глубоко вздохнула.

— Надеюсь, но как-то неспокойно на душе.

Внутри всё сжималось от нехорошего предчувствия. Она хотела верить брату, хотела убедить себя, что отец просто перестраховывается, как всегда.

Но тревога внутри, внезапный отъезд родителей и появление этого оборотня — всё вместе создавало ощущение, что привычный мир дал трещину.

7.

— Иди спать, а? Вечно ты нагнетаешь.

Миранда стояла рядом с братом, глядя на его сосредоточенное лицо, освещённое экраном. Маркус всегда был таким — лёгким, немного беспечным, способным отмахнуться от любой тревоги. А она не могла.

Сейчас его лёгкий тон казался почти кощунственным на фоне того тяжёлого беспокойства, которое сидело у неё внутри.

— Зато ты слишком легкомысленно ко всему относишься, — парировала девушка. — Знаешь, иногда мне кажется, что для тебя жизнь такая же игра.

— А зачем всё усложнять? Все мы умрём рано или поздно, — парень ей подмигнул.

Она стукнула его по плечу:

— Да ну тебя, ты хоть иногда можешь быть серьёзным?

— А на когда тебе надо? — хохотнул её брат.

Девушка закатила глаза:

— Какой же ты придурок, как тебя Нора терпит.

— Примерно так же, как тебя Карл. Хотя ему уж точно надо памятник поставить при жизни за терпение.

— Блин, Маркус, ты невыносим.

— Как и ты, сестричка, но ты же меня всё равно любишь, — он подмигнул девушке.

— Люблю, но иногда желание прибить тебя слишком велико. Выключай всё и ложись спать.

— Кто-то снова командует?

— Конечно, я старше, и ты должен меня слушаться.

— Всего на две минуты, — парень закатил глаза.

— Но старше же. Иначе я сейчас выдерну его из розетки, — пригрозила она.

— Ладно, ладно, — парень поднял руки в примирительном жесте, — сдаюсь.

Но девушка продолжала сверлить его взглядом, постукивая в нетерпении ногой.

Маркус нажал на кнопку «завершение работы» и повернулся к сестре:

— Теперь довольна?

Она тихонько вздохнула и потрепала брата по волосам.

«Завтра будет новый день, — подумала она. — Может, к утру родители выйдут на связь, и всё станет проще».

— Вполне, и не вздумай с Норой трепаться полночи по мобильнику, — произнесла она, выходя из его комнаты.

— Слушаюсь, мамочка, — донеслось ей вслед.

Миранда завернула за угол и чуть не столкнулась с оборотнем.

Она резко остановилась, едва не уперевшись ему в грудь. Запах леса и металла снова ударил в нос, и внутри всё неприятно сжалось.

Она сделала шаг назад, стараясь сохранить спокойный

вид, хотя сердце уже стучало чаще.

— Вы? Что вы здесь делаете?

— А на что это похоже? Направляюсь в свою комнату, — произнес мужчина.

В коридоре повисла тяжёлая пауза. Свет редких настенных светильников отбрасывал резкие тени на лицо оборотня, подчёркивая жёсткую линию скул и упрямый изгиб губ.

— А ваша комната где? — спросила девушка, чувствуя подвох.

— Вот она, — мужчина указал на дверь, у которой они стояли.

Миранда невольно отступила ещё на шаг, но упёрлась спиной в холодную стену. Ей вдруг стало трудно дышать — не от страха, а от чего-то другого, чего она не могла назвать. Воздух между ними словно сгустился, наполнившись невидимым напряжением.

— То есть вы будете жить рядом со мной? — возмутилась Миранда. — Вы что, меня преследуете?

Альфа закатил глаза:

— Так распорядился ваш отец. Эта комната находится на одинаковом отдалении от вашей комнаты и комнаты вашего брата, чтобы в случае чего я успел прийти на помощь.

— Мне ваша помощь не нужна, — упрямо пробормотала девушка, сложив руки на груди. — Сама справлюсь, не маленькая.

— А ведёте себя как ребёнок, — хмыкнул мужчина, с удовольствием наблюдая, как его собеседница выходит из себя.

Она сжала пальцы в кулаки, стараясь унять странное волнение, которое поднималось внутри каждый раз, когда он смотрел на неё так — спокойно, чуть насмешливо, будто видел насквозь все её попытки казаться взрослой и уверенной.

— Ну конечно, в вашем возрасте все кажутся вам детьми, — не удержалась девушка от подколки.

Миранда чувствовала, как щёки слегка горят. Она стояла, пытаясь понять, почему каждое его слово цепляет так сильно.

Почему её так волнует его отношение к ней. Он ей никто.

Обычно она легко отшучивалась или просто уходила от разговора, если кто-то ей не нравился. С ним всё было иначе. Его спокойный, чуть насмешливый взгляд заставлял её внутренне кипеть и одновременно чувствовать странную, напряжённость.

«Почему мне не всё равно? — думала она, глядя на его широкие плечи и жёсткую линию челюсти. — Он просто гость. Через пару дней уедет. И всё».

Люциас же стоял неподвижно, сжимая кулаки в карманах, чтобы не выдать, как сильно его трясёт внутри.

Он старался дышать через раз. Её запах окутывал его, проникая под кожу.

Он был повсюду — сладкий, тёплый, с лёгкой горчинкой, которая напоминала спелые ягоды и свежую хвою. Он проникал в лёгкие, растекался по венам и будил в волке то, что лучше было бы оставить спящим.

Люциас пытался сосредоточиться на злости, на раздражении, на всём, что могло заглушить это внезапное, почти болезненное притяжение. «Ей восемнадцать. Она дочь Герольда. Эллисон меня лично прикончит, если узнает, о чём я сей-

час думаю».

Но всё равно не мог отвести взгляд от тонкой жилки на её шее, которая пульсировала быстро и неровно, и чувствовал, как собственное сердце бьётся в том же ритме. Грудь девушки поднималась и опускалась чаще обычного от злости, и от волнения.

Мужчина на мгновение закрыл глаза, пытаясь сосредоточиться на ровном дыхании. Он сделал глубокий вдох, но это только усугубило ситуацию — запах Миранды стал ещё ярче, ещё ощутимее. В груди что-то сжалось, в висках застучало.

Он сделал едва заметный шаг назад, пытаясь увеличить расстояние, но это не помогло. Запах следовал за ним.

Где-то глубоко внутри волчья часть его сущности глухо зарычала, требуя подойти ближе, коснуться, заявить права. Люциас сжал зубы, подавляя этот первобытный порыв. Он знал, что должен держаться на расстоянии, но каждый нерв в его теле кричал об обратном.

Она была его парой, но не догадывалась об этом.

А он не знал, радоваться или огорчаться такому подарку судьбы.

8.

Миранда всё ещё сверлила его взглядом, явно ожидая продолжения разговора или хотя бы какой-то реакции.

Его взгляд скользил по её лицу, задерживаясь на губах, и это заставляло сердце девушки биться чаще, а мысли путаться.

Она облизала губы, не отдавая себе в этом отчёта. Этот жест получился таким естественным, таким бессознательным, что Миранда даже не заметила, как её собственное тело предало её.

А оборотню понадобилась вся сила воли, чтобы не прижать её к стенке и не впиться в эти манящие губы. В груди у Люциаса будто взорвалась горячая волна — дикая, первобытная, та, которую он привык держать на коротком поводке.

Мышцы рук напряглись до боли, челюсть сжалась так сильно, что он услышал, как скрипнули зубы.

С огромным трудом он взял себя в руки.

— Спокойной ночи, Миранда, — произнёс мужчина, открывая дверь своей спальни. Голос вышел ниже обычного, с едва заметной хрипотцой.

За спиной он услышал тихий, раздражённый вздох девушки, но не обернулся, потому что боялся, что не справится с собой.

— Надо же, узнали, как меня зовут? Похвально, — ответила она, и в её тоне смешались лёгкая насмешка и что-то ещё — удивление, почти детское удовольствие от того, что он запомнил.

Люциас замер на пороге, так и не войдя внутрь. Она что, специально дразнит его? Или не понимает, что он сейчас на грани?

Внутри всё сжималось от желания обернуться, сделать шаг к ней, увидеть, как изменится её лицо, если он приблизится. Но вместо этого он стоял неподвижно, сжимая дверную ручку так, что металл слегка прогнулся под пальцами.

— Я всегда подхожу ответственно к тому, что делаю, — проговорил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно и спокойно. — К тому же это не составило особого труда.

Миранда почувствовала, как по коже побежали мурашки, хотя в коридоре было совсем не холодно. «Почему я стою здесь? Почему не ухожу? Он просто друг отца. Большой, молчаливый, слишком взрослый для меня… но я почему-то продолжаю стоять и препираться с ним?»

Она нервничала, он чувствовал это по тому, как слегка ускорилось её дыхание, по лёгкому дрожанию пальцев, словно внутри неё боролись два желания: убежать в свою комнату и хлопнуть дверью или остаться и продолжить этот странный разговор, который заставлял кровь бежать быстрее.

Миранда чуть приподняла бровь, скрестив руки на груди.

— И что дальше? Что вы собираетесь делать? — спросила она.

«Надо было просто пожелать ему спокойной ночи и уйти. Теперь он подумает, что я интересуюсь…»

Люциас всё так же стоял к ней спиной, широкие плечи слегка напряжены. Он смотрел в темноту своей комнаты, но видел только её отражение в зеркале на стене — как она стоит посреди коридора, кусает губу и смотрит на него с этой смесью вызова и растерянности.

В груди у него разливалось странное, почти болезненное

тепло. «Она не понимает, что делает. Не понимает, как пахнет её нервозность, смешанная с любопытством. Как от этого у меня кружится голова».

— Охранять вас, пока не вернётся Герольд, — ответил он наконец.

Слова вышли сухо, почти по-деловому, хотя внутри всё кипело от противоречивых чувств. Ему хотелось сказать что-то другое — что он готов охранять её не потому, что так велел отец, а потому, что уже не может представить, как отпустит её от себя.

— Я уже говорила. Мне не нужна ваша защита, — продолжила она гнуть своё, но в этот раз в голосе не было прежней уверенности.

Девушка сделала маленький шаг назад, словно пытаясь увеличить расстояние между ними, хотя тело тянулось вперёд.

Внутри неё росло раздражение на саму себя: «Почему я чувствую себя такой беспомощной рядом с ним? Я всегда была самостоятельной. Всегда держала парней на расстоянии. А этот… этот волк смотрит на меня так, будто видит насквозь».

— Ваш отец считает иначе.

Ему нужно было попрощаться с ней и уйти, но он продолжал стоять, ожидая сам не зная чего.

«Старый дурак, — подумал мужчина про себя с горькой усмешкой. — Тебе уже давно не семнадцать. У тебя было прошлое, были женщины, была ответственность перед стаей. А ты стоишь тут как идиот».

Всё это время у него не было серьёзных отношений. Хотя Селена считала иначе и уже присматривала свадебный наряд, выбирая ткани и фасоны в своём воображении. Он сам виноват, что позволил ей так далеко зайти в своих заблуждениях.

Она задержалась дольше других, ему с ней было просто удобно — никаких глубоких чувств, никаких обязательств, только приятная компания и способ снять напряжение. Поэтому он не спешил развеивать её иллюзии. И даже пару раз подумал, что может, чёрт с ним? Жениться на ней и дело с концом.

Но сейчас, здесь, с этой девушкой, он не мог вспомнить никого, кто был до неё. Всё отошло на второй план. Он забыл

и о стае, и о Селене, и о долге. Ничего больше не существовало, кроме неё — её голоса, её запаха, её упрямого взгляда.

Но ему лучше держаться от неё подальше. «Она слишком молода. Чёрт, она дочь Эллисон и Герольда. Запретная для него. Но такая желанная».

О чём думала в этот момент его подопечная, он не знал.

А Миранда стояла, кусая губы и злясь на себя так сильно, что хотелось закричать. Потому что не понимала, почему продолжает стоять посреди коридора и пялиться в его спину, на эти широкие плечи, которые казались надёжными и одновременно раздражающими.

— Уже поздно, вам лучше уйти к себе, — произнёс Люциас, не оборачиваясь.

Голос прозвучал почти грубо, но на самом деле это была последняя, отчаянная попытка защитить их обоих от того, что могло случиться, если он повернётся.

Внутри него всё кричало: «Обернись. Посмотри на неё. Возьми то, что так жаждешь». Но он стоял неподвижно, борясь с каждой клеткой своего тела.

Девушка ничего не ответила, но, развернувшись на каблуках, вошла в свою комнату, громко хлопнув дверью. Звук разнёсся по коридору, словно финальная точка в их неловком, полном невысказанного напряжения разговоре.

9.

После бессонной ночи Люциас проснулся с ощущением, будто его череп кто-то всю ночь методично колотил изнутри тяжёлым молотом. Голова гудела так, что даже слабый свет, пробивающийся сквозь шторы, казался слишком резким.

Каждый вдох отдавался тупой болью в висках, а в горле пересохло так, словно он неделю бродил по пустыне. Ему срочно нужен был крепкий кофе — чёрный, горький, такой, чтобы хоть немного прочистить мозги и заглушить этот непрекращающийся гул.

Он с трудом поднялся, чувствуя, как ноют мышцы от напряжения, которое не отпускало его даже во сне.

Приняв душ, мужчина долго стоял под горячими струями, пытаясь смыть с себя остатки ночных мыслей о девушке за стенкой. Вода стекала по плечам, но облегчения почти не приносила.

Натянув всё те же джинсы, он ругал себя последними словами за то, что в спешке даже не подумал собрать комплект сменной одежды.

«Идиот, — мысленно шипел он, застегивая ремень. — Привык, что всё всегда под рукой, а теперь выглядишь как бродяга».

Нужно выкроить время и заехать в магазин или попросить Люка? Но чем меньше людей знает, где он находится, а главное — зачем, тем лучше. Одна лишняя пара ушей — и вся осторожность пойдёт прахом.

Как говорят, где тайну знают двое, там её знает весь город. Эта мысль заставила его поморщиться. Он не любил рисковать понапрасну, особенно когда на кону стояло нечто большее, чем его собственная шкура.

Он надеялся, что Герольд стал параноиком и просто решил перестраховаться, но проверять это, подвергая опасности свою пару, он не хотел. Вряд ли судьба будет настолько милостива, что даст ему шанс в третий раз. Два и то был нонсенс.

Люциас провёл ладонью по мокрым волосам, глядя в зеркало на своё усталое отражение. Глаза были красными от недосыпа, а под глазами пролегли тени.

«Один раз я это уже пережил», — подумал он с горькой усмешкой.

Второй раз проходить через этот кошмар не хотелось. И он не собирался рисковать ею.

Люциас ни разу не слышал о таком, чтоб у волка было две пары. Возможно, дело в генах Эллисон, но тогда девушка действительно в опасности.

Кто устоит перед соблазном нарожать много хамелеончиков? То, что происходило сейчас, было из ряда вон выходящим. Появление людей с мутирующими генами было сродни выигрышу в лотерею — шанс один на миллион. А тут сразу двое.

Причём скорее всего Эллисон уже не подходила, так как Герольд постоянно поил её своей кровью. И то не факт — кто-то мог держать её в плену, пока гены вампира полностью не выйдут из её организма. Но это долго и муторно.

А вот Миранда совсем другое дело. Такие, как она, были на вес золота. Кто откажется иметь идеальную жену и потомство?

Герольд мог бы стать самым могущественным вампиром на свете, заключая для своих детей самые выгодные партии. Но он слишком их любил, чтоб продавать подороже. Жаль только, не все в этом мире отягощены моральными принци-

пами.

Их отец скорее исключение, чем правило, а значит, он не преувеличил опасность, которая грозила девушке. Люциас тяжело вздохнул, сжимая кулаки.

«Он защищает её, как может. А я… я здесь, чтобы не дать этому миру растерзать её на части».

Люциас почувствовал, как его охватывает холодная ярость — не на Герольда, а на весь этот проклятый мир, где уникальность превращается в приговор.

При этой мысли у Люциаса внутри всё скрутило, словно кто-то вогнал раскалённый нож под рёбра и провернул. Он представил, как чужие руки скользят по её коже, как чьи-то пальцы зарываются в её волосы, как другой мужчина смотрит на неё с тем же голодом, который он сам едва сдерживал вчера в коридоре.

Желудок свело судорогой. Горло сжалось так, что стало трудно дышать. Волк внутри него взвыл — не от ярости, а от дикой, первобытной боли.

«Она моя, — пронеслось в голове, хотя он прекрасно понимал, что не имеет на неё никакого права.

Я не могу позволить себе думать о ней так. Но и оставить её без защиты тоже не могу».

Интересно, её брат тоже является носителем генов? Но его ценность уменьшается тем, что он не способен воспроизводить потомство. Сможет передать свои гены детям? Скорее всего нет, так как его генофонд тоже подстроится под партнёра.

Хотя в случае с Эллисон её гены оказались сильнее. От всех этих мыслей голова разболелась ещё больше. Мысли кружились, переплетаясь, словно клубок колючей проволоки.

— Чёрт, я не учёный, а это всё слишком сложно, — пробормотал оборотень себе под нос, садясь на край кровати и обхватывая голову руками. Голос прозвучал хрипло, устало.

Он чувствовал себя беспомощным, а это было для него хуже всего. Альфа, привыкший решать проблемы силой и авторитетом, вдруг оказался перед стеной, которую не пробить ни клыками, ни когтями.

Бывают ситуации, когда одной силы недостаточно.

И что теперь ему со всем этим делать? Увы, он не знал.

А консультироваться с кем-то слишком опасно. Он прекрасно помнил, чем обернулось для Эллисон обращение в больницу — утечкой информации. Тогда всё пошло наперекосяк за считанные дни.

Причём ни ему, ни Герольду не удалось выяснить, кто же её слил, когда они пытались перекрыть этот канал. Эта неизвестность жгла изнутри, раскалённым железом.

«Кто-то из своих? Или просто случайность, которая стоила слишком дорого?»

Только Люциас не верил в случайности.

Он встал, подошёл к окну и прижался лбом к прохладному стеклу. Внизу тихо шелестели деревья, а он думал о Миранде.

Он вспомнил, как она хлопнула дверью вчера вечером, её нервное дыхание, то, как она облизала губы.

«Держись, Люциас. Ради неё. Ради того, чтобы она осталась живой и свободной».

Он глубоко вдохнул, пытаясь собраться.

Кофе. Сначала кофе.

А потом — война. Со всем миром, который хочет забрать её. И с самим собой.

10.

Глянув на часы, Люциас поспешил вниз. Ему нужно было размяться, пробежать пару кругов вокруг дома или хотя бы пройтись быстрым шагом по саду, чтобы проветрить голову, пока он окончательно не свихнулся от этих ночных мыслей и утренней головной боли. Кофе так и не помог полностью, только слегка притупил гул в висках.

Но все его планы пошли прахом, когда он спустился вниз и увидел девушку у выхода. Она стояла в короткой юбке, которая едва прикрывала бёдра, с сумкой через плечо и слегка растрёпанными после сна волосами. Утренний свет падал на её ноги, и Люциас почувствовал, как в груди вспыхнул настоящий пожар.

— И куда ты собралась в таком виде? — рявкнул он, сам не ожидая от себя такой нервозности. Голос вышел резче, чем он хотел, почти рычащий.

Она обернулась, в глазах мелькнуло удивление, быстро сменившееся раздражением.

— Что, простите?

Мужчина сложил руки на груди, окинув её взглядом с го-

ловы до ног. Наряд девушки казался ему слишком вызывающим. Внутри всё клокотало — смесь злости, беспокойства и того самого первобытного инстинкта, который он едва сдерживал.

— Спрашиваю, куда ты собралась в таком виде?

В глазах его пары отразилось непонимание, смешанное с растущим недовольством.

— А что не так с моим видом? Я всегда так хожу в колледж.

— Куда ты ходишь? — внутри волка всё бурлило от ярости, когда он представил, как на неё пялятся другие парни.

Миранда стояла, уперев руки в бока, и смотрела на него с открытым вызовом.

— Вы что, совсем больной? — видно было, что ей хочется покрутить пальцем у виска.

— Ты никуда не пойдёшь! — проревел мужчина, подлетая к ней ближе. Шаг вышел слишком быстрым, слишком агрессивным, и он сам это почувствовал.

Внутри неё кипела злость: «Кто он такой, чтобы указывать мне, как одеваться? Я не ребёнок и уж точно не его собственность».

— Слушайте, вам лечиться надо, — отшатнулась девушка, в её голосе теперь звучала не только злость, но и лёгкий испуг, который она тут же попыталась скрыть. — И вообще, что вы себе позволяете? Кто вы такой, чтоб указывать, что мне делать?

Люциас открыл рот, чтобы ответить ей, но вдруг осознал — он ей действительно пока никто. Просто тот, кого нанял её отец. Если будет продолжать в том же духе, то никем и останется. Эта мысль немного отрезвила.

«Спокойнее, Люциас. Ты её отпугнёшь, и тогда защищать станет в десять раз сложнее».

— Я тот, кто отвечает за твою безопасность, поэтому не могла бы ты переодеться? — попытался смягчить тон оборотень. Голос всё равно вышел низким и напряжённым, но уже без рыка.

— Идите вы знаете куда со своей защитой? Пока что мне грозит опасность только сойти с ума от ваших нравоучений! — рявкнула она, глаза сверкнули. — Я всегда так хожу и ничего менять не собираюсь!

Со стороны лестницы раздался дикий ржач. Маркус бук-

вально сползал вниз, хватаясь за живот в приступе смеха, плечи тряслись.

— А это забавно, — пробормотал он сквозь смех, вытирая выступившие слёзы.

— Ничего забавного в этом не вижу! — рявкнули оба синхронно. Голоса слились в один раздражённый хор, и от этого стало ещё смешнее.

Сын Герольда наконец спустился, чуть ли не хрюкая от хохота, лицо покраснело, глаза блестели.

— Прекрати ржать, — разозлилась его сестра, щёки у неё тоже слегка порозовели от злости и смущения. — Мы и так опять опаздываем из-за тебя. Опять Джону придётся превышать скорость и нарушать правила.

— А Джон это кто? — спросил Люциас, чувствуя, как внутри снова поднимается волна раздражения.

— Вас это не касается, — отчеканила девушка, голос холодный, почти ледяной.

Создавалось впечатление, что она намеренно выводит его из себя, проверяя, насколько далеко он готов зайти.

— КТО ТАКОЙ ДЖОН? — оборотень снова повысил голос, в груди всё сжалось от ревности, которую он даже не пытался скрыть.

Миранда закатила глаза, видимо не собираясь отвечать. Она стояла, скрестив руки, и смотрела куда-то в сторону, всем видом показывая, что разговор окончен.

— Наш водитель, — пробормотал парень, смахивая слезинку с глаз. — Давно я так не веселился. Кстати, я Маркус если кому интересно.

— Я сам вас отвезу, — произнёс оборотень, выходя за дверь. Тон не терпел возражений, хотя внутри он уже жалел о своей вспышке.

«Чёрт, я веду себя как собственник. Она меня возненавидит раньше, чем я успею объяснить хоть что-то».

— Всё из-за тебя, — накинулась девушка на брата, голос дрожал от ярости. — Если б ты не собирался, как кисейная барышня, полтора часа, не пришлось бы всю дорогу терпеть этого мужлана.

— Да ладно тебе, Мир, мужик запал на тебя, это же вид-

но! — Маркус продолжал ухмыляться, явно наслаждаясь ситуацией.

— Идиот! — прошипела его сестра, вылетев пулей из дома. Щёки горели, а внутри всё кипело. Она села в машину, громко хлопнув дверью и уставилась в окно.

Люциас завёл двигатель и тихо, почти беззвучно выругался себе под нос.

«Поздравляю, гений. Первый день — и ты уже ведёшь себя как ревнивый идиот. Осталось только пометить территорию и всё будет идеально».

11.

Миранда демонстративно смотрела в окно, сложив руки на груди и не желая ни с кем разговаривать. Мало ей этого придурка за рулём, так ещё и брату приспичило над ней подшучивать.

Автомобиль плавно тронулся, и за окном замелькал привычный пейзаж: высокие сосны, мелькающие вдоль дороги, редкие просветы между деревьями, где пробивался утренний свет. Они жили далеко от колледжа и городской суеты, и девушке это всегда нравилось.

Можно было спокойно пойти прогуляться, не рискуя наткнуться на кого-то из знакомых, не ловить на себе любопытные и оценивающие взгляды.

Здесь воздух был чище, тишина — глубже.

Природа всегда её успокаивала, даря умиротворение, которого не хватало в шумном городе.

Больше всего ей нравилось ходить к реке, которая протекала недалеко от их дома.

Там можно было сесть на старый поваленный ствол, опу-

стить ноги в прохладную воду и просто посидеть в тишине — подумать или послушать музыку, не отвлекаясь на чужие голоса.

Сейчас она мысленно уже была там: представляла, как ветер треплет волосы, как вода тихо журчит, унося все тревоги.

Звук входящего сообщения нарушил ход её мыслей, заставив взглянуть на экран смартфона. Миранда надеялась, что это родители наконец вышли на связь — короткое «мы в порядке» или хотя бы эмодзи с сердечком.

Но сообщение было от Маркуса:

«Мне уже интересно посмотреть на реакцию этого оборотня, когда он увидит тебя с Карлом» — а дальше шёл смайлик, который смешно шевелил бровями.

Миранда нахмурилась, пальцы быстро забегали по экрану.

«При чём тут Карл?» — отправила она, чувствуя, как раздражение нарастает.

Парень ухмыльнулся и напечатал что-то на своём телефоне. Через секунду снова раздался сигнал входящего сообщения:

«Он всю дорогу пялится на тебя в зеркало заднего вида.

У чувака крышу срывает от ревности, Мир. Во ты зацепила мужика». И снова тот же смайлик.

Подняв глаза, девушка действительно встретилась взглядом в зеркале с оборотнем. Люциас наблюдал за ней — не просто смотрел, а именно наблюдал, будто пытался прочитать каждую мысль на её лице. Его глаза в отражении были тёмными, напряжёнными.

Миранда почувствовала, как по коже пробежали мурашки, а в груди что-то неприятно сжалось.

«Не мели чушь!» — сердито отправила она в ответ и, отключив звук на телефоне, кинула его обратно в рюкзак.

Достав оттуда наушники, она воткнула их в уши и нажала на кнопку «Воспроизвести». Из динамиков полилась знакомая мелодия, которая всегда поднимала ей настроение. Но только в этот раз слова тоже действовали ей на нервы:

«*…Я помню, как ты накричала и закрыла дверь*

Я помню, как ты обещала быть только моей

И голоса в моей башке мне кричали: «Не верь»

Мемориал нашей любви — это моя постель…

Она ноет обо мне, я вою на Луну

Никто не виноват, но оба чувствуем вину…»

(На луну (To the Moon) Egor Kreed &LOVV66)

Разозлившись, девушка переключила трек, но и он был не лучше:

«…Я верю (Чувствую): у меня есть все время (Все)

Учитывай, что я на тебя помешался (Сумасшедший)

Вцепился, и вряд ли я отпущу пальцы (Вряд ли)

Жду, когда ты окажешься в моих щупальцах (Жду-жду-жду)

Я знаю (Знаю-знаю): твои губы будут точно на моих (Твои губы)

Вопрос времени…»

(«Будешь моей» MAYOT.)

— Да что ж такое? — пробормотала Миранда себе под нос, выключая музыку.

Голос вышел тихим, но полным досады. Она чувствовала себя загнанной в угол: даже любимые песни сегодня словно издевались над ней.

И тут же поймала в зеркале заднего вида понимающую ухмылку. Чёртов оборотень! Он слышал всё, что играло у неё в наушниках.

«Он слышал эти слова. Про губы. Про то, что кто-то помешался».

Миранда почувствовала, как щёки заливает жар.

— Чтоб ты провалился, — прошептала она еле слышно, почти беззвучно шевеля губами.

Люциас не обернулся, но уголок его рта дрогнул.

С водительского сиденья послышался приглушённый смешок — низкий, едва заметный, но совершенно отчётливый. Внутри него тоже бушевала целая буря. Он старался смотреть только на дорогу, но взгляд то и дело возвращался к зеркалу.

К её ногам в этой короткой юбке, к тому, как она нервно теребила край ткани, к тому, как отворачивалась, пытаясь

сделать вид, что его не существует.

«Она злится. И правильно делает. Но представить, что кто-то будет смотреть на неё так же, как я сейчас, — и внутри всё переворачивается».

Брат Миранды, сидевший рядом с ней, тихо посмеивался, делая вид, что смотрит в свой телефон, но на самом деле наслаждался каждым моментом этой неловкой поездки.

Люциас крепче сжал руль, костяшки пальцев побелели. Дорога впереди казалась длиннее обычного. Каждый километр, каждое движение девушки на заднем сиденье только усиливали напряжение в салоне. Он чувствовал её запах даже через расстояние — лёгкий, свежий, с ноткой раздражения и чего-то безумно сладкого.

«Держи себя в руках, — мысленно приказывал он себе. — Ты здесь не для того, чтобы ревновать. Ты здесь, чтобы защищать. Но чёрт… как же сложно, когда она так близко и при этом так далеко».

Миранда прижалась лбом к прохладному стеклу окна, глядя на пролетающие деревья.

«Он смеётся. Пусть. Я не собираюсь подстраиваться под

него». Но даже эта мысль не принесла облегчения.

Потому что где-то глубоко внутри, под слоем злости, она чувствовала странное, почти пугающее любопытство: а что, если брат прав? И что, если этот взгляд в зеркале значит гораздо больше, чем просто взгляд охранника?

Машина продолжала ехать, а напряжение в салоне росло с каждым поворотом дороги.

Визуал Маркус

брат Миранды.

12.

Когда автомобиль остановился у ворот колледжа, Миранда не сдержала вздох облегчения, выскочив из машины, как ошпаренная. Она надеялась, что привычная обстановка и знакомые лица помогут ей вернуть хотя бы видимость душевного равновесия.

«Наконец-то. Ещё немного, и я бы взорвалась прямо там, на заднем сиденье».

Карл уже ждал её у входа, прислонившись к стене.

Улыбаясь, девушка подбежала к нему и обняла, крепче, чем обычно.

— Привет.

Парень был заметно напряжён, глядя куда-то ей за спину. Его руки на её талии слегка дрогнули.

— У тебя что, новый водитель?

— Да, — она махнула рукой, стараясь говорить легко и небрежно, — просто старый друг отца.

Она специально сделала акцент на слове «старый», пыта-

ясь задеть оборотня, который, она знала, всё слышал.

— Почему он тогда мысленно расчленяет меня взглядом? — хмыкнул парень, обнимая её в ответ. В его голосе сквозила нервозность.

Миранда только пожала плечами и сама коснулась губами губ Карла. Раньше она себе никогда такого не позволяла, всегда держала дистанцию, ограничиваясь лёгкими объятиями или поцелуями в щёку.

И сама не могла объяснить себе, для чего сделала это сейчас.

Карл на мгновение замер от неожиданности, а потом зарылся пальцами в её волосы, прижимая крепче к себе. Его дыхание стало чаще.

Сзади раздался разъярённый рык — низкий, почти звериный. Миранда ощутила удовлетворение от своей выходки.

Карл отстранился и посмотрел на оборотня с вызовом:
— Мужик, что тебе надо? Иди куда шёл.

У Люциаса на скулах заходили желваки. Ему хотелось схватить этого щенка и бить его до тех пор, пока эта пошлая

ухмылка не смоется кровью с лица. Внутри всё клокотало от ярости и ревности.

Он с силой сжал кулаки, костяшки побелели.

— Миранда, отойди от него! Сейчас же!

Девушка лишь фыркнула, прижимаясь крепче к своему парню, хотя внутри у неё самой всё смешалось.

Она не хотела целовать Карла, не хотела обнимать, но обнимала. И всё это чтобы досадить оборотню.

«Вот так. Пусть ему будет так же некомфортно, как мне всю дорогу. Пусть поймёт, что он для меня — никто. Просто досадная помеха и что я не его собственность».

У Люциаса срывало крышу. Он отчётливо чувствовал запах похоти, который исходил от этого ублюдка. Тот уже считал её своей, думал, что имеет какие-то права на неё. Волк внутри рвался наружу, требуя уничтожить соперника.

Только вот парень Миранды оборотнем не был, и решить с ним всё по волчьим законам не получится.

— Разве вам не пора на пары? — сквозь зубы процедил Альфа. Голос звучал хрипло, на пределе.

Сзади раздался снова смех Маркуса, о котором все благополучно забыли. Парень подошёл к сестре, отодвинул её от Карла и обнял за плечи.

— Заканчивай спектакль, Мир, а то правда уже опоздываем.

— Всего хорошего, — мстительно проговорила девушка, обращаясь к Люциасу.

— Я иду с вами, — произнёс тот, хватая девушку под руку.

Все трое уставились на мужчину.

Карл стоял в стороне, хмурый и растерянный, явно не понимая, что происходит.

— С чего это? — первой пришла в себя Миранда.

— Потому что я так решил, — отчеканил оборотень.

Маркус попытался разрядить обстановку.

— Может хватит уже? На нас все и так пялятся. Мне в принципе пофиг, но отец будет недоволен, что мы устроили

тут цирк. Он дорожит своей репутацией.

Но на его слова никто не обратил внимание.

— Вы переходите все границы, — прошипела девушка, пытаясь вырвать руку.

Но Люциас не позволил, направляясь с ней к главному корпусу. Шаг был быстрым, уверенным.

— Отпустите меня сейчас же, я всё расскажу отцу!

— Валяй, — буркнул оборотень, не сбавляя шаг.

Девушка шмыгнула носом:
— Вы грубый, неотёсанный мужлан…

Миранда хотела добавить ещё что-то едкое, но Люциас резко затормозил, развернувшись. И девушка буквально впечаталась ему в грудь. От неожиданности она замерла.

— Ты что, плачешь? — хрипло спросил он, голос вдруг стал ниже. В его глазах мелькнуло что-то похожее на беспокойство.

— Нет, — соврала она, вдыхая запах его кожи и парфюма.

Горько-мускусный, с нотками сандала, который будоражил её чувства сильнее, чем она была готова признать.

«Почему я не отталкиваю его, хотя должна?»

Люциас смотрел на неё сверху вниз, чувствуя, как её дыхание касается его кожи.

Миранда отстранилась первой, но Люциас всё равно её не отпустил. Она чувствовала тепло его пальцев сквозь ткань блузки и ненавидела себя за то, что это тепло ей не было неприятно.

Её щёки горели — от злости, от смущения и от того, как близко он стоял.

— Я серьёзно, — тихо добавила она, уже без прежнего вызова. — Вы не имеете права так себя вести.

— Имею, — ответил он просто, но в голосе не было прежней жёсткости. — Пока твой отец не вернётся, имею.

Внутри девушки снова поднялась волна противоречивых чувств: злость, желание вырваться и странное, почти пугающее понимание, что рядом с ним она чувствует себя… в безопасности. Даже если эта безопасность душит её.

Визуал Карл

Парень Миранды

13.

У Люциаса защемило в груди так сильно, что дыхание на секунду сбилось. Он взял девушку за подбородок, осторожно, но настойчиво заставляя посмотреть на него.

В глазах его пары стояли слезы, которые она старалась всеми силами сдержать, моргая часто и быстро, словно это могло их прогнать.

Оборотень почувствовал себя настоящим подонком.

«Ну что? Показал свой характер, идиот? А теперь она плачет из-за тебя».

— Не плачь, пожалуйста, — пробормотал он, проводя ладонью по её щеке.

Её кожа была такой нежной и теплой под его грубыми пальцами, что ему захотелось прижаться к ней всем телом и просто наслаждаться этим теплом.

— Не трогайте меня, — рассердилась девушка, пытаясь вырваться из его объятий.

Голос дрожал, в нём смешались злость и беспомощность. — Это всё из-за вас! Из-за вас… — в конце её голос сорвался от рыданий, и она сама удивилась, как быстро слёзы прорвались наружу.

Мужчина рывком притянул её к себе, прижимая сильнее, обхватывая руками так, словно пытался оградить от всего мира.

Она ещё вырывалась какое-то время, упираясь ладонями ему в грудь, но силы быстро закончились. Потом затихла, продолжая тихо плакать. Люциас чувствовал каждую горячую каплю, словно они прожигали его кожу.

— Отпусти её, мужик, — подал голос Карл, подходя ближе. В его тоне слышалась смесь вызова и неуверенности.

Но оборотень посмотрел на него так, что парень невольно отступил на шаг. Взгляд Люциаса был тяжёлым, почти звериным.

— Идите на занятия и скажите, что Миранды не будет на первой паре.

— Но…

— Никаких «но»! — рявкнул мужчина, и парни невольно подчинились, отправившись на урок и то и дело оглядываясь на этих двоих. Маркус шёл последним, он бросил на сестру обеспокоенный взгляд, но ничего не сказал.

— Мне лучше пойти с ними, — слабо запротестовала девушка. Она всё ещё всхлипывала, уткнувшись ему в грудь.

Ему не хотелось выпускать её из объятий, тело сопротивлялось каждой клеткой, но, сделав над собой усилие, оборотень взял её за руку и повёл в сторону школьного сада. Её пальцы слегка дрожали в его ладони.

— Куда вы снова меня тащите? — спросила она возмущённо.

— Тебе нужно успокоиться и привести себя в порядок, — отозвался Люциас, не оборачиваясь. Он уже жалел о своей резкости.

— Я в порядке, — огрызнулась Миранда скорее по привычке, хотя сама понимала, что это ложь.

— У тебя тушь потекла, — брякнул оборотень первое, что пришло ему в голову.

Но на удивление это сработало, и девушка послушно пошла следом за ним, вытирая щёки тыльной стороной ладони.

Они дошли до конца сада, оказавшись у самой дальней стены, где никто не мог случайно наткнуться на них. Здесь было тихо, только листья слегка шелестели на ветру, и солнце мягко пробивалось сквозь кроны деревьев.

Люциас сел на скамейку и потянул за собой девушку. Она принялась рыться в сумочке, доставая из неё маленькое зеркальце. Взглянув в него, она с упрёком посмотрела на оборотня:

— Вы обманули насчёт туши.

— Да, — не стал отпираться он, — мне просто хотелось увести тебя подальше от посторонних глаз.

— Зачем? — удивилась она, всё ещё шмыгая носом.

— Хочу выяснить, почему ты плакала.

— Вас это не касается, — буркнула она, но в голосе уже не было прежней злости, только усталость.

Оборотень поднялся, сел у ног девушки прямо на траву и,

взяв её ладони в свои большие тёплые руки, спросил, глядя прямо в глаза:

— Почему ты плакала, Миранда?

Его пара, как зачарованная, не сводила с него печальных карих глаз. Внутри неё всё ещё бушевали противоречивые чувства: злость на него, страх за родителей, стыд за свои слёзы и странное облегчение от того, что он рядом и держит её руки так крепко.

— Скажи мне, я со всем разберусь, обещаю. Я всё для тебя сделаю, — тихо произнёс Люциас.

Голос был низким, почти просительным. Внутри него крутилось: «Я не должен так говорить. Не должен обещать. Но глядя на неё сейчас, я готов разорвать любого, кто причинит ей боль».

Она тяжело вздохнула, признаваясь:

— Я очень переживаю за родителей.

— С ними всё будет хорошо, твой отец сможет защитить Эллисон. Он очень сильный вампир, — ответил он спокойно, хотя сам прекрасно понимал, насколько хрупко это «хорошо».

— Но ведь всегда найдётся кто-то сильнее, — возразила девушка, голос снова дрогнул.

— Да, — не стал спорить оборотень, — я не буду врать тебе. Такова жизнь, всегда на одну силу найдётся другая сила. Но Герольд не первый год живёт на свете, он разберётся. Он опытный, хитрый и готов на всё ради вас. Я видел его в деле. Он не тот, кто сдаётся.

Миранда молчала, глядя на их переплетённые руки. Слёзы всё ещё медленно катились по щекам, но теперь они были уже не такими горькими.

«Почему с ним так… спокойно? Он грубый, властный, выводит меня из себя, а потом вдруг становится таким… тёплым. Я не должна ему доверять. Но почему-то мне хочется верить».

14.

— Спасибо, я не знала, с кем мне об этом поговорить, — пробормотала девушка, всё ещё глядя в сторону. Она сама удивлялась, что открылась именно ему.

— Через пару дней они вернутся и всё будет хорошо. А сейчас пойдём, тебе пора на занятия, — мягко ответил Люциас, хотя внутри у него всё сжималось от желания остаться здесь ещё хотя бы на несколько минут. Ему не хотелось отпускать её.

— Знаете, я благодарна вам и всё такое, но я не хочу, чтоб вы везде за мной таскались, — фыркнула Миранда, пытаясь вернуть привычный тон.

Внутри неё боролись облегчение от разговора и раздражение от того, как легко он снова берёт контроль над ситуацией.

Мужчина медленно улыбнулся.

— Я буду таскаться за тобой куда захочу и делать то, что считаю нужным для твоей безопасности.

— Моей? А как же мой брат?

— У меня сложилось впечатление, что он менее склонен искать приключения на свою пятую точку.

Миранда закатила глаза.

— О, Маркус вас ещё не раз удивит. Вы его просто плохо знаете.

Оборотень взял её за руку и ладонь девушки буквально утонула в его большой ладони.

— Пошли уже.

— Я и сама в состоянии передвигаться, — огрызнулась Миранда, хотя вырывалась уже не так активно, как раньше.

Он не стал спорить. Она-то могла, но он не мог пока признаться ей, что ему доставляет удовольствие прикасаться к ней. Каждый раз, когда его пальцы касались её кожи, внутри что-то теплое и опасное разливалось по венам.

— Я не маленькая, чтоб меня на пары за ручку водили, — снова заартачилась девушка, пытаясь выдернуть ладонь.

— Привыкай, — это всё, что Люциас сказал ей в ответ. Голос был спокойным, но в нём слышалась железная уверенность.

В аудитории уже было полно народу, и Миранда покраснела с головы до ног, когда взгляды всех присутствующих скрестились на них.

Шёпот, удивлённые взгляды, чьи-то приглушённые смешки — всё это обрушилось на неё сразу. Она чувствовала, как вспыхнули щёки.

«Великолепно. Теперь вся группа будет обсуждать, почему какой-то взрослый мужик таскает меня за руку, как школьницу».

Она сделала очередную попытку вырваться, но оборотень молча усадил её за первую парту и плюхнулся рядом, занимая слишком много места своими широкими плечами.

— Эй, тут вообще-то я сижу, — подал голос тощий парень в очках, явно растерявшись.

Альфа окинул его скучающим, почти равнодушным взглядом.

— Изыди, — произнёс он ледяным тоном и сразу потерял к студенту всяческий интерес, будто тот перестал существовать.

— Вы что, издеваетесь? — прошипела на него Миранда, пытаясь встать. — Сделали из меня посмешище. Я сижу на третьей парте с Карлом.

Люциас потянул её за руку, усаживая обратно. Движение было мягким, но не допускающим возражений.

— Теперь ты сидишь здесь, со мной. И это не обсуждается.

— Тиран и деспот! — выплюнула она, голос дрожал от злости и смущения. — Жду не дождусь, когда вернётся отец и вы отправитесь в закат.

Мужчина лишь ухмыльнулся, прекрасно понимая, что её наивным мечтам не суждено сбыться. Он не оставит её никогда.

В этот момент в дверях появился преподаватель и, подняв одну бровь, уставился на оборотня. Миранда уже предвкушала, как сейчас этого выскочку выпрут из аудитории. Как она радостно помашет ему ручкой и наконец-то вздохнёт свободно.

— Согласовано, — сказал Люциас с таким видом, что у преподавателя даже не возникло сомнения насчёт его слов.

— Ну раз так… — пробормотал учитель, пожимая плечами, — то давайте начнём урок.

— Что за… — возмущённо прошептала девушка, поражаясь такому халатному отношению препода к посторонним на занятиях. Он даже не удосужился проверить достоверность этой информации.

«Как так можно? Один взгляд этого волка — и все вокруг теряют способность думать?»

С губ её соседа сорвался тихий смешок, и этот гад подмигнул ей, когда она посмотрела в его сторону. В его глазах плясали искорки торжества.

Девушка демонстративно отвернулась и уставилась в окно. Как же он её бесил! И в то же время… она не могла не замечать, как его плечо слегка касается её плеча, как от него исходит спокойное, почти обволакивающее тепло.

«Ненавижу. Правда ненавижу. Тогда почему мне так трудно сосредоточиться на уроке, когда он сидит так близко?»

Аудитория постепенно затихла, преподаватель начал объяснять материал, но напряжение между ними двумя нику-

да не делось. Оно висело в воздухе, густое, тёплое и опасно притягательное.

15.

На всех остальных уроках повторилось то же самое. Оборотень держался так уверенно и спокойно, что все преподаватели просто верили ему на слово, даже не пытаясь уточнить, кто он такой и почему сидит рядом с Мирандой.

Она чувствовала, как с каждой минутой в груди закипает злость. Однокурсники то и дело косились на них, перешёптывались, а женская половина и вовсе не стеснялись, томно вздыхали и откровенно пожирали глазами её «телохранителя», явно оценивив его широкие плечи и мужественные черты лица.

Но тот словно не замечал этого внимания. Люциас всё время пялился именно на неё, почти не отрываясь. Миранду это нервировало до дрожи и мешало сосредоточиться на том, что говорили учителя.

«Ему что, больше заняться нечем, кроме как разглядывать меня? Как будто я — самое интересное зрелище в этой аудитории».

На телефон пришло сообщение, и девушка постаралась открыть его как можно незаметнее, пряча экран под партой.

На этот раз оно было от Карла:

«И как долго ЭТОТ будет за тобой волочиться?»

Миранда скривилась, как от зубной боли, и быстро напечатала ответ:
«Пару дней, пока не вернутся родители».

Через секунду телефон снова завибрировал:
«Мне это не нравится» и злой смайлик.

Девушка тихо вздохнула и отправила:
«Ты думаешь, я в восторге?»

«Что насчёт вечеринки сегодня? Ты же придёшь?»

Чёрт. Со всем этим дурдомом она совершенно об этом забыла. Если бы отец был на связи, то скорее всего категорически запретил бы ей идти. Ему никогда не нравился Карл. Хотя, если честно, ему не нравился никто из тех, с кем она когда-либо встречалась.

Девушка и сама уже не хотела никуда идти, но она пообещала, и внутри проснулся знакомый дух бунтарства

«Не буду сидеть дома под присмотром, как послушная собачка. Хоть раз сделаю по-своему». — решила Миранда.

«Что-нибудь придумаю», — написала она и быстро убрала телефон в сумку, чувствуя, как внутри растёт напряжение.

Ей придётся сделать вид, что она пошла спать раньше, и как-то улизнуть из дома. Главное — выбраться за ворота, а там Карл её подберёт. Но была ещё одна проблема: ей совершенно не в чем было пойти. У девушки созрел план.

И когда прозвенел звонок, она повернулась к своему мучителю, стараясь выглядеть как можно более невинно:

— После уроков я планирую пройтись по магазинам. Вы со мной? — она с вызовом посмотрела на мужчину.

— Хорошая попытка, но твоя мама проделала этот трюк со мной много лет назад. С тех пор я стал умнее. Так что закажи то, что нужно, курьером домой, — ухмыльнулся оборотень, явно довольный собой.

Миранда сжала кулачки, злясь, что он так легко разгадал её замысел, но не собиралась так просто сдаваться.

— Мне нужно развеяться.

— Развеешься в другой раз, — отчеканил мужчина, — К тому же разве тебе не надо делать уроки?

Ей захотелось со всей силы съездить по этой самоуверенной физиономии, чтобы стереть эту наглую ухмылку с его лица.

— Вы… вы… — задыхаясь от возмущения, прошипела девушка, не находя нужных слов.

— Я… — спокойно согласился Люциас, улыбаясь ещё шире, явно наслаждаясь её реакцией.

— Вы невыносимы! — девушка топнула ногой, а этот гад блохастый громко заржал, откинувшись на стуле.

Развернувшись на каблуках, Миранда устремилась прочь. Не важно куда, лишь бы подальше от него, от его смеха, от его взгляда, который продолжал прожигать ей спину.

— Подожди, — донеслось ей вслед.

Но она не обернулась, лишь ускорила шаг.

16.

— Ненавижу его! — прорычала Миранда, влетев внутрь женского туалета и громко хлопнув дверью так, что эхо разнеслось по коридору.

Она прислонилась спиной к холодной плитке и закрыла глаза, пытаясь отдышаться. Ей хотелось побыть одной хотя бы пару минут и не видеть этого самоуверенного оборотня. Долго скрываться здесь всё равно не получится — скоро прозвенит звонок на следующую пару.

Ей казалось, будто она задыхается. Словно на неё надели невидимый поводок и постоянно натягивают цепь, сокращая дистанцию, не давая сделать ни шагу в сторону.

Если родители задержатся ещё на пару дней, то она попросту свихнётся в его компании. А главное — до сих пор не понятно, от кого он вообще должен её защищать.

«Если так будет продолжаться, то скоро я действительно начну ему тапочки в зубах приносить, — с ужасом подумала она.

Этого она никак не могла допустить. Нужно отвоевывать

свою свободу обратно и начать стоит с сегодняшней вечеринки. Она должна туда попасть, желательно так, чтобы этот гад даже ничего не заподозрил.

И чтобы усыпить бдительность оборотня, Миранда решила прикинуться паинькой и сделать вид, что готова играть по его правилам. Пусть думает, что она смирилась.

Зайдя в приложение одного известного магазина, она быстро заказала на примерку пару нарядов подходящего фасона, таких, в которых она обычно появлялась на подобных мероприятиях.

Довольная своим планом, девушка покинула временное убежище.

Конечно, он караулил её у дверей, прислонившись плечом к стене. Хорошо хоть никак не прокомментировал её побег.

Поэтому Миранда молча прошла мимо него, высоко подняв подбородок, и отправилась на занятия.

«Может, если делать вид, что его не существует, он хотя бы немного отстанет? Маловероятно, но попробовать стоит».

Но с этим возникли серьёзные сложности. Когда они сели за парту, Люциас расположился непозволительно близко. Его бедро практически прижималось к её ноге, и каждый раз, когда они случайно соприкасались, по телу Миранды пробегала горячая волна.

Ему, похоже, нравилось выводить её на эмоции. Потому что когда она краснела и пыталась отодвинуться, его улыбка становилась чуть шире. Она уже и так сидела практически на самом краю парты, но его это совершенно не останавливало.

Устав отбиваться от назойливых конечностей своего соседа, девушка резко развернулась к нему всем корпусом и положила руку ему на бедро. Люциас мгновенно замер. Его зрачки расширились, а дыхание заметно сбилось.

Довольная произведённым эффектом, Миранда медленно провела ногтями по его ноге вверх. Мужчина напрягся всем телом, мышцы под джинсами стали твёрдыми, как камень.

Но уже через секунду он принял расслабленную позу, словно хотел посмотреть, что она будет делать дальше. В его глазах мелькнуло откровенное любопытство и что-то гораздо более тёмное.

Вонзив ногти в его ногу посильнее, она с силой отодвину-

ла её от себя и отвернулась, чувствуя, как горят щёки.

Оборотень снова издал тихий смешок и, наклонившись к ней, прошептал прямо на ухо низким, хрипловатым голосом:

— Мне понравилось.

Кожа Миранды мгновенно покрылась мурашками от его горячего дыхания, которое будило в ней какие-то непонятные, тревожные чувства. Сердце заколотилось быстрее.

Не оборачиваясь, она прошипела сквозь зубы:

— Когда вернётся отец, я расскажу ему, как именно вы меня «охраняли», и он переломает вам ноги. Посмотрим, как вам тогда понравится.

— Некоторые вещи стоят поломанных ног, — усмехнулся мужчина, и в его голосе не было ни капли страха — только уверенность и лёгкая насмешка.

— Мы вам не мешаем? — не выдержал преподаватель, окидывая парочку на первой парте недовольным взглядом.

Миранда покраснела до корней волос и, пробормотав:

— Извините… — быстро уткнулась в тетрадь, делая вид, что сосредоточенно пишет.

Люциас сидел рядом, глядя прямо перед собой, но уголок его губ всё ещё подёргивался в едва заметной улыбке.

Девушка упорно смотрела на преподавателя, стараясь не поворачивать даже голову в его сторону. Но каждое движение его тела рядом с ней она ощущала слишком остро.

Внутри неё всё кипело.

«Как он может быть таким спокойным? Я только что чуть не вцепилась ему в ногу, а он смеётся и говорит, что ему понравилось. Что за человек?»

Звонок на перемену прозвенел как спасение. Миранда быстро собрала вещи, стараясь не встречаться с ним взглядом. Сегодня вечером ей придётся придумать, как от него сбежать. Потому что сидеть дома под его присмотром она не собиралась.

17.

На обратном пути Миранда всё так же смотрела в окно, надев наушники. Теперь она тщательно подготовилась, добавив в плейлист иностранных песен с быстрым ритмом и текстами на английском и испанском.

Это помогало ей хотя бы немного игнорировать насмешливые взгляды в зеркале заднего вида и попытки брата привлечь её внимание.

Девушке и без его шуток было тошно. К

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.